

Глаза Лу Нинчу были тёмными, его чёрные зрачки напоминали глубокий колодец. Из-за того, что усталость ещё не полностью прошла, его лицо было бледным, что делало его несколько хрупким и уязвимым.

Чжоу Циюнь, увидев это, поспешил утешить:

— Младший брат Лу, не переживай, старшие нашей секты тоже приехали, они не позволят тебя тронуть.

Дунфан Юй и другие захватили три сокровища, и Высший Небесный Дворец, естественно, отправил людей, чтобы защитить своих учеников и сохранить три драгоценных артефакта.

Чжоу Циюнь ненадолго замолчал, затем снова почувствовал негодование:

— Эта секта Лошуй действительно не умеет проигрывать. Всё, что происходит в духовном царстве, зависит от умений каждого, жизнь и смерть — личное дело. Почему они так суетятся? Если уж они хотят разобраться, почему бы им сначала не выдать убийц наших учеников?

— Кстати, младший брат Лу, ты знаешь, что старший брат Ли ещё не... вернулся?

— Старший брат Чжоу, я очень устал, могу я вернуться и продолжить отдыхать? — Лу Нинчу полуприкрыл глаза, выглядел крайне утомлённым.

В прошлой жизни, кроме Скорбных Небес и Лун Юаня, никто не верил ему, как бы он ни объяснял. Он уже устал от объяснений. Он не хотел снова и снова объяснять, как в прошлой жизни.

К тому же, с Юань Цижунем среди них, секта Лошуй не отступит, и у него ещё будет время объясниться.

Лу Нинчу обычно был очень близок с Ли Юньланом, но сейчас он даже не упомянул его. Чжоу Циюнь был немного ошеломлён, на мгновение задумался, а затем сказал:

— Я был невнимателен, младший брат Лу, возвращайся в свою комнату.

Не дожидаясь окончания слов Чжоу Циюня, Лу Нинчу уже вернулся в свою комнату, закрыв дверь.

Однако на этот раз он всё равно не смог выспаться.

Всего через полдня кто-то снова постучал в его дверь.

На этот раз пришло много людей.

Впереди был стражник, охраняющий Город на Скале, за ним — старшие из Высшего Небесного Дворца и секты Лошуй, а затем такие молодые ученики, как Чжоу Циюнь.

Такое зрелище, даже без взгляда на тревожное выражение лица Чжоу Циюня, ясно показывало, что ситуация была не из лучших.

— Лу Нинчу, — произнёс стражник, — секта Лошуй обвиняет тебя в трёх преступлениях: первое — убийство невинных, второе — жестокое убийство Юань Линя, третье — убийство соратников, жестокими методами, что не соответствует пути праведника, и подозревает, что ты впал в демонический путь. Признаёшь ли ты свою вину?

Лу Нинчу всё это время сохранял спокойное выражение лица, но, услышав слова «убийство соратников», в его глазах наконец появились бурные эмоции.

Даже убив Юань Линя, кто-то всё равно пытался навесить на него это клеймо.

Он пристально посмотрел на людей за дверью:

— Смерть Юань Линя действительно моя заслуга. Но в Духовном Царстве Ткущихся Грёз жизнь и смерть — личное дело, и Юань Линь хотел убить меня, почему я не мог убить его? Признавать это преступлением я не буду.

— Что касается остальных двух обвинений и впадения в демонический путь, я их не признаю.

— У тебя есть доказательства своей невиновности?

Лу Нинчу ответил прямо:

— Нет.

— Ты не отрицаешь, что жестоко убил Юань Линя, верно?

Лу Нинчу сжал губы, не отвечая.

— Пойдём с нами, мы тщательно разберёмся, прежде чем определить, виновен ты или нет.

Стражник махнул рукой, и двое других стражников подошли, чтобы взять Лу Нинчу под стражу.

Лу Нинчу сделал шаг вперёд, уклонившись от них.

— Я пойду сам.

*

Хотя секта Лошуй выдвинула обвинения, это всё же было лишь их словом, и на этом основании нельзя было признать Лу Нинчу виновным. Поэтому стража Города на Скале не заключила Лу Нинчу в тюрьму, а лишь поместила его под домашний арест в небольшом дворе.

Погода была холодной, но Лу Нинчу стоял во дворе, погружённый в падающий снег.

Его продержали здесь уже три дня.

В этой жизни, хотя он и не смог предотвратить смерть Ли Юньлана, всё же было кое-что иное, чем в прошлой жизни.

В прошлой жизни в самом начале «убийство соратников» распространялось в виде слухов, и его не арестовывали. Лишь после смерти Юань Линя все решили, что он, чувствуя вину, убил свидетеля, и это утвердило его вину, лишив возможности оправдаться.

В этой жизни у него было меньше врагов, и после того, как его арестовали, он не мог «убить свидетеля», так что ситуация не должна была быть такой плохой, как в прошлой жизни.

Однако недавно Чжоу Циюнь сообщил ему, что в городе распространились слухи о его «падении в демонический путь». Основанием для таких слухов были три обвинения, выдвинутые сектой Лошуй, а также его слишком быстрый прогресс в культивации.

Талант, позволивший ему достичь этапа Закладки Основания в семнадцать лет, был слишком невероятным, и, как только открылись врата для злобы, многие стали выплёскивать свою зависть.

Слухи гласили, что только с помощью злых методов демонического пути, которые дают быстрый результат, игнорируя моральные нормы, можно было добиться такого, и в сочетании с тремя обвинениями секты Лошуй факт падения Лу Нинчу в демонический путь казался почти доказанным.

Однако в этой жизни он не нашёл врагов среди всех членов Высшего Небесного Дворца, и Высший Небесный Дворец не должен был позволять другим клеветать на своих учеников. Но слухи всё равно распространились, и, увидев, как Чжоу Циюнь закончил рассказ о слухах, замаялся, будто что-то недоговаривая, Лу Нинчу понял, что старшие Высшего Небесного Дворца хотят его смерти.

Причина, впрочем, была проста — его талант.

В глазах этих стариков, достижение этапа Закладки Основания в семнадцать лет ещё можно было терпеть, но то, чего они не могли терпеть, было его мастерство в Технике Меча Лютой

Стужи в семнадцать лет.

Все предыдущие владыки Скорбных Небес, чем раньше они овладевали Техникой Меча Лютой Стужи, тем сильнее они становились, но самый сильный из них овладел ею лишь после пятидесяти лет. В сравнении с этим, овладение Техникой Меча Лютой Стужи в семнадцать лет означало, что если позволить Лу Нинчу развиваться, он станет невероятно сильным мечником, самым сильным владыкой Скорбных Небес за всю историю.

Внутри Высшего Небесного Дворца также шла борьба, и необычайно сильный владыка Скорбных Небес неизбежно повлиял бы на ресурсы, статус и многое другое других «Небес».

Лу Нинчу, конечно, понимал принцип «высокое дерево ветер валит». Но в прошлой жизни он уже давно овладел Техникой Меча Лютой Стужи, и когда он её использовал, его намерение меча было совершенным. Его учитель Лу Цинъюэ был чрезвычайно сильным мечником, и даже если бы он хотел специально ошибиться, он не смог бы этого скрыть.

Скорбные Небеса слишком долго были в пренебрежении, и, сосредоточившись на культивации пути меча, они были несколько наивны, поэтому, взволновавшись, они не смогли удержать информацию.

Думал, что всё будет иначе, но в итоге всё вернулось на круги своя.

Лу Нинчу достал меч Чэньсин Ли Юньлана, провёл пальцем по лезвию, и на коже появилась тонкая линия крови.

Он тихо прошептал:

— Старший брат...

В его голосе слышались боль, тоска, вина и множество других эмоций.

Пережить боль снова, зная, как всё закончится, но не имея возможности это изменить, было подобно тому, как сердце сжигалось огнём, пронзалось ледяным шилом, и бесконечная агония разрывала его на части.

Лу Нинчу вдруг схватил рукоять меча и с силой ударил по стволу дерева рядом.

Почему!

Почему!

Он думал, что перерождение — это милость Небес, шанс изменить судьбу.

Но почему всё в этой жизни снова вернулось на прежний путь!

Если судьбу нельзя изменить, зачем тогда давать надежду!

Если смысл перерождения в том, чтобы снова пережить отчаяние, он бы предпочёл остаться в прошлой жизни и умереть вместе с Лун Юанем!

Хотя меч Чэньсин потерял свою духовность, он всё же был сделан не из обычного металла, и лезвие оставалось острым. Лу Нинчу изо всех сил ударил по дереву, и ствол с грохотом рухнул.

Лу Нинчу, глядя на падающее дерево сквозь облако пара, вырвавшегося из его рта, вдруг упал на колени и закричал:

— Верните его! Верните моего старшего брата!

Необъятность мира, лишь снег падал вокруг, судьба была безжалостна, не проявляя ни капли милосердия к душе, застрявшей между прошлой и этой жизнью.

Увидеть смерть Ли Юньлана в двух жизнях было уже невероятно мучительно.

Но это было лишь начало отчаяния.

Вспомнив, как в прошлой жизни погибли все Скорбные Небеса, вспомнив смерть Лун Юаня, Лу Нинчу сгорбился, дрожа, будто его раздавило непомерное отчаяние.

Он лишь хотел защитить Скорбные Небеса и Лун Юаня. Если бы он смог достичь этого, он был готов нести на себе позор.

Но почему, почему он был обречён лишь смотреть, как они умирают?

— Лун Юань... Лун Юань!

Лу Нинчу вдруг начал шарить у себя на груди, достал плоский мешочек и вытащил из него несколько чёрных предметов, которые засунул в рот.

— Спаси меня...

Неизвестно, что это были за предметы, но вскоре изо рта Лу Нинчу пошла кровь.

Он крепко сжимал мешочек в руке, будто хватался за соломинку.

Среди снега и ветра кто-то, кто собирался уйти, остановился.

Лун Юань уже давно наблюдал за двором.

Стража Города на Скале была не выше этапа Выхода из Тела, а он был на этапе Преобразования Духа, так что никто не мог обнаружить его присутствие.

Он слышал и видел, как Лу Нинчу страдал из-за Ли Юньлана. Раньше он ещё надеялся, что Лу Нинчу и Ли Юньлан просто были близкими друзьями, но такое поведение трудно объяснить без глубоких чувств.

Он считал всё, что происходило в Резиденции Владыки Демонов, обманом.

Но, собираясь уйти, он снова услышал, как Лу Нинчу зовёт его имя.

Слова, полные отчаяния.

Лун Юань колебался, но в итоге сделал шаг вперёд.

<http://bllate.org/book/15302/1350261>